

Наталья Юрьевна Муравьева

Россия, Российский государственный гуманитарный университет

Регистровые условия трансформации лексических значений

Ключевые слова: контекст, коммуникативный регистр речи, репродуктивный регистр, генеритивный регистр, лексика конкретной семантики.

Key words: context, communicative register of speech, reproductive register, generative register, lexis of specific semantics.

Abstract

The subject of investigation of the article is specific vocabulary. We examine the interaction between the given types of words and the context. In particular, we have observed a natural pattern of transformation of the meaning of specific lexical units within generative and reproductive communicative speech registers. In the first case, the concrete semantics receives the most generalized meaning. In the second one, the objectivity transforms into the sensually perceived image. The article establishes the necessity of typological description of such transformations.

Начиная с 1960-х годов Г.А. Золотовой было выявлено 5 моделей речевой деятельности, из разных комбинаций которых складываются все возможные тексты. Эти модели были названы коммуникативными регистрами речи, каждый из которых «обусловлен точкой зрения говорящего и его коммуникативными задачами», «располагает определенным набором языковых средств и реализован в конкретном фрагменте текста» [Онипенко 2002: 179; Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 29].

Из существующих 5 коммуникативных регистров 3 связаны с монологической речью и с единой интенцией говорящего – сообщить о чем-либо. Разница между ними обнаруживается лишь в уровне обобщения информации:

- репродуктивный регистр – это передача непосредственно воспринимаемого (на слух, зрительно, обонянием, тактильно, внутренними рецепторами и т.д. в данный момент и конкретным наблюдателем),
- информативный регистр – это некоторое обобщение воспринятой информации (уже неважно – когда и кем именно), знание (возможно, полученное от других), мнение, выводы, оценка и т.п.,

- генеритивный регистр – это максимально обобщенная информация, преподносимая как общечеловеческий опыт или общедоступная истина.

Теория коммуникативных регистров речи позволила не только анализировать и описывать тексты, но и по-иному взглянуть на образующие их языковые единицы. В том числе, было доказано, что любая значимая единица языка может характеризоваться не только с точки зрения формы и семантики, но и с точки зрения функции. Под функцией стала пониматься предрасположенность слова к определенному типу употребления – то есть употреблению в определенном контексте, в том числе регистре. Например, образные тропы и частноперецептивные лексемы (передающие своими корнями идеи звука, цвета, запаха и др.: *белеть, краснеться, звонкий, шаркать*) предрасположены к употреблению в репродуктивном регистре речи, а абстрактная лексика и показатели повторяемости – к употреблению в информативном регистре и т.д.

В качестве объекта данного исследования рассматривается лексика, конкретная по своему первому значению. Очевидно, что конкретность семантики не может быть маркером ни одного из регистров. Однако нет и препятствий для употребления подобных слов ни в одном из регистров. При этом взаимосвязь между языковой единицей и контекстом обнаруживается не только в том, что определенный коммуникативный регистр как модель речевой деятельности создается ограниченным набором лексических или грамматических средств. Но и в том, что сам контекст, своей определенной регистровой характеристикой, может повлиять не только на выбор значения (из длинного словарного перечня), но и на трансформацию лексической семантики составляющих его единиц. Под трансформацией в данном случае будет пониматься значительное изменение лексического значения по сравнению с описанным, зафиксированным в словарях. И такую трансформацию легче увидеть на примерах конкретных лексем.

Таким образом, цель данного исследования – анализ слов конкретной семантики в контекстах разных типов, обнаружение значений, не зафиксированных в словарях, а также попытка объяснения механизмов их возникновения в контексте определенного коммуникативного регистра.

Наиболее интересными контекстами для подобного исследования окажутся генеритивный и особенно репродуктивный регистры. Информативный всегда предполагает некоторую долю отвлеченности – и от конкретной ситуации наблюдения, и от конкретного употребления слова. А потому и толкуемые в словарях лексические значения (а лексикографы всегда сознательно стремятся «отойти», «отвлечься» от какого-то конкретного фрагмента текста, «отсеять» как «лишнюю» и «ненужную» информацию о конкретном контекстном окружении слова) максимально подходят для таких контекстов. Регистрово обусловленных трансформаций в информативных текстах едва ли возможно найти.

В то время как употребления лексических единиц в генеритивном и репродуктивном фрагментах требуют от носителей языка некоторое домысливание

ситуации, какие-то дополнительные логические операции, которые помогают нам увидеть совсем не тот смысл, который обычно описывается в словарях. А для изучающих язык как иностранный – требуется некоторый дополнительный комментарий, может быть, дополнительное знание теории.

В частности, **генеритивный** регистр представлен в любом языке разного рода пословицами, поговорками, афоризмами, моральями в баснях и других подобным образом организованных текстах. Языковые признаки генеритивного регистра – это полипредикативность конструкции, причинно-следственные отношения между предикативными единицами, смысловая и интонационная завершенность, преобладание признаковой лексики, субстантивированных слов и нетипичность конкретных лексем [Онипенко, Никитина 2006: 60]. Однако если слова конкретной семантики все-таки появляются, они теряют собственное значение и приобретают иное, переносное, «контекстное», едва ли ожидаемое. Например, *Со своим самоваром в Тулу не ездят; Со своим уставом в чужой монастырь не ходи* – ни одно из подчеркнутых существительных не сохраняет своего значения: речь не идет о *самоваре*, *Туле*, *уставе* или *монастыре*. Но о предметах, которыми изобилует данное место (*самовар*), о любом месте, в котором указанные (т.е. любые) предметы находятся в избытке (*Тула*), или месте, в котором уже имеются свои привычки и обычаи (*монастырь*), и о привычках и порядках, которые следует забыть по прибытии в данное место (*устав*)... (например, [Онипенко, Никитина 2006: 57]). Такое максимально обобщенное значение, едва ли соотносимое с исходным значением существительных (в особенности имен собственных), слова получают исключительно в генеритивном регистре – контексте, репрезентирующем общечеловеческий опыт, всеобщее знание. Этот регистр и оказывается условием возникновения подобных значений.

Однако о необходимости внесения в словари подобных контекстных трансформаций, их обязательном лексикографическом описании речи в настоящее время не идет. Несмотря на очевидность потенциальных трудностей при переводе: единственное средство их избежать – выучить все русские пословицы и поговорки, подобно тому как учатся фразеологические выражения. С точки же зрения словарей будущего, быть может, необходимо провести исследование, какие именно из конкретных существительных могут оказаться в подобных контекстах: наверняка не все конкретные лексемы, среди них будут ограничения по тематике.

Другого типа сложности представляет собой конкретная лексика, попавшая в **репродуктивный** регистр. Репродуктивность подразумевает сиюминутность наблюдения (в широком смысле – любыми из внешних органов чувств или внутренних рецепторов), наличие наблюдающего субъекта (не обязательно на уровне текстового героя, возможно на уровне лексической / грамматической семантики языковых единиц). В отличие от высказываний генеритивного типа, эти фрагменты не могут быть вычислены с опорой на жанр, обычно они

не существуют изолировано, а часто «перемешиваются» с информативными контекстами. Наконец, их значительно больше в количественном отношении, они не могут быть даны закрытыми списками. Поэтому и отнестись к трансформации этих значений следует внимательней.

В качестве примера обратимся к фрагменту из рассказа А.П. Чехова «Дом с мезонином». Отрывок (кроме первого, вводного, предложения) полностью характеризуется репродуктивностью. А интересующие данное исследование конкретные лексемы могут быть условно разделены на три разные группы.

Однажды, возвращаясь домой, я нечаянно забрел в какую-то незнакомую усадьбу. Солнце уже пряталось, и на цветущей ржи растянулись вечерние тени. Два ряда старых, тесно посаженных, очень высоких елей стояли, как две сплошные стены, образуя мрачную, красивую аллею. Я легко перелез через изгородь и пошел по этой аллее, скользя по еловым иглам, которые тут на вершок покрывали землю. Было тихо, темно, и только высоко на вершинах кое-где дрожал яркий золотой свет и переливал радугой в сетях паука. Сильно, до духоты пахло хвоей. Потом я повернул на длинную липовую аллею. И тут тоже запустение и старость; прошлогодняя листва печально шелестела под ногами, и в сумерках между деревьями прятались тени. Направо, в старом фруктовом саду, нехотя, слабым голосом пела иволга, должно быть, тоже старушка. Но вот и липы кончились; я прошел мимо белого дома с террасой и с мезонином, и передо мною неожиданно развернулся вид на барский двор и на широкий пруд с купальней, с толпой зеленых ив, с деревней на том берегу, с высокой узкой колокольней, на которой горел крест, отражая в себе заходившее солнце.

Первую группу составляют те, что выделены пунктиром: они употребляются не в прямых, а в своих переносных значениях. Но эти значения уже зафиксированы в словарях: выбирается одно значение из представленного в словарной статье списка. Очевидно, что это значение характеризуется конкретностью (абстрактное выбираться не может, поскольку регистр репродуктивный). Интересно то, что часто употребляемые в репродуктивном контексте слова регулярно развивают в качестве переносного перцептивное значение, например:

- *переливать* о жидкости: прямое значение глагола характеризуется конкретностью, однако в данном контексте *переливать* о радуге – переносное значение уже не только конкретно, но и передает семантику процесса восприятия световых колебаний;
- *прятаться*: глагол сознательного физического действия, однако в данном контексте, при сочетании с неодушевленным объектом, может быть протолкован как ‘*исчезнуть из поля зрения, перестать быть видимым*’;
- *развернуться*: глагол действия, физического сознательного движения, однако в данном случае, в сочетании *вид развернулся*, – имеет значение начала восприятия = ‘*стать видимым*’, это своего рода «перцептивный» антоним к глаголу *спрятаться*;

- *кончились липы*: это тоже о конце восприятия перемещающегося наблюдателя и т.д.

Вторая группа – это те слова, которые употребляются в прямых значениях (за исключением *слабый* о голосе). Однако они интересны тем, что смысл – или реалии, стоящие за этими словами – от контекста к контексту постоянно меняются (в тексте эти единицы выделены одинарным подчеркиванием). Например:

- *высокий* ребенок и *высокая* ель – это совершенно разные, не соотносимые друг с другом параметры;
- *тихо* в вакууме, *тихо* в комнате с открытыми окнами, *тихо* в закрытом помещении, *тихо* на городской улице или в лесу – это совершенно разные степени одного признака (полное отсутствие звуков практически не встречается, речь идет об относительном отсутствии громкости или об отсутствии их частотности) и т.д.

В семантике этих слов есть и доля относительности, и доля субъективности. Или размеры, или сила проявления признака, или наличие / отсутствие каких-либо параметров всегда будут различными – меняться от контекста к контексту.

Особого внимания из этого ряда заслуживает встречающееся здесь дважды слово *старый*. Во-первых, словарь не предполагает у этого слова отдельного значения для растений: для его объяснения мы вынуждены обращаться к первому толкованию, подобно как если бы рассматривали контексты про человека (*‘проживший много лет, достигший старости (противоп.: молодой)’*) [Словарь русского языка]. Во-вторых, речь идет не только об относительности или количественной градации обозначенного в толковании временного признака (известно, что с точки зрения подростка 35-летний человек представляется *старым*), но и о качественном изменении, трансформации времени в зрительно наблюдаемые параметры. Ведь если слово появляется в информативном регистре, речь идет о возрасте человека или дерева (который можно знать или не знать). А если в анализируемом репродуктивном регистре, то о внешнем виде – некоторой картинке. И эти «картинки» у каждого из объектов будут разными: *старый* человек – это человек с морщинами и, например, сгорбленный, *старое* дерево – это дерево с засохшими ветвями, толстым стволом, облупившейся корой, может быть, корявыми ветками (особенно если дерево фруктовое), *старый свитер* – это свитер с оттянутыми рукавами, свалявшимися катышками шерсти и т.д. и т.п.

Таким образом, репродуктивный контекст, во-первых, предполагает именно зрительную интерпретацию значения данного слова. Во-вторых, от объекта к объекту зрительный образ будет меняться, каждый из них (даже в этом тексте) имеет свой набор признаков. В-третьих, ни один из указанных признаков не попадает в словарную статью.

Наконец третья группа – это лексемы, которые употребляются в своих переносных значениях (в тексте они выделены двумя чертами). И эти значения совершенно далеки от тех, что описываются в словарях. Поэтому они вызывают наибольший интерес. Они похожи на слова типа *старый* поскольку их контекстное значение не попадает в словарь. Однако их переносное значение не имеет отношения ни к относительности значения, ни к изменению набора семантических признаков при изменении объекта описания. Они трансформируют семантику до неузнаваемости. Вот список этих слов.

- *Вечерний*: временной параметр не важен (уже было сказано, что солнце *пряталось*, следовательно, наступил вечер), слово употребляется ради указания на пространственный ориентир: *вечерние тени* – это тени ‘длинные’.
- *Вершок*: это ‘мера длины, равная 4,4 см’. Однако слово имеет и всем известное и часто употребляющееся переносное значение ‘очень мало’ (на *вершок от земли* – это ‘маленький’). Однако здесь имеется в виду, напротив, достаточно толстый слой иглока, причем явно ощущаемый тактильно – и через мягкость, и через указанное скольжение: усадьба в запустении, никто не приводит ее в порядок. Этого значения также нет в словарях, оно не часто, но тем не менее, как показывает Национальный корпус, вполне системно.
- *Радуга*: толкование этого слова в словарях состоит из трех составляющих: разноцветность (семицветность), дугообразная форма, положение на небосклоне. В принципе, значение большинства слов в языке составляет совокупность нескольких элементов. Однако это не означает, что наличие лишь одного из них уже достаточно для номинации (*стол* – предмет мебели, в виде плоской поверхности, на высоких ножках-опорах: но наличие ножек еще не делает предмет столом, как и принадлежность предмета к классу мебели). В данном же контексте для *радуги* (как и во многих других примерах репродуктивного регистра, по данным Национального корпуса) достаточным оказывается лишь первый признак: разноцветности (у А.П. Чехова речь идет не о небе, а о маленьких каплях росы или дождя).
- *Хвоя*: в данном случае это не просто ‘игольчатые листья некоторых растений (*сосны, ели, пихты, лиственницы и т.п.*)’, а источник запаха, определенной разновидности этого запаха.
- *Толпа*: не просто неорганизованное множество людей, а, в соединении с существительным *ива*, пространственный параметр, неровные очертания рощи, ее конфигурация.
- *Заходивший*: это не глагол перемещения, а цвет – оранжевого оттенка, потому что герой смотрит на колокольню и видит *горящий* крест. Чтобы являться источником отражения, солнце должно находиться напротив креста, следовательно, за спиной наблюдателя, вне его поля зрения.

Общее между этими примерами не только то, что слова поменяли свое значение, но и то, что все производные значения связаны с производящими по принципу смежности: один из нескольких компонентов или даже второстепенно-коннотативный (в понимании [Апресян 1995: 158]) компонент производящего значения становится основным для производного. И если производящее значение характеризовалось конкретностью, то производное можно охарактеризовать как перцептивное: цвет, конфигурация, длина, мягкость – это чувственно воспринимаемые характеристики.

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы.

1. Семантика конкретной лексики не должна характеризоваться как нейтральная по отношению к контексту. Она обладает способностью употребляться без ограничения на контекст, однако передаваемый смысл крайне чувствителен к контексту, завися от его регистровой характеристики.
2. Генеритивный регистр ведет к максимально возможному обобщению значения. Репродуктивный – к трансформации предметной семантики в чувственно (чаще – визуально) воспринимаемые характеристики (цвет, запах, форма, тактильные ощущения и т.д.).
3. Трансформации контекстно-генеритивные в своем большинстве уже описаны в словарях афоризмов, пословиц, поговорок. Трансформации контекстно-репродуктивные требуют дальнейшего изучения, описания, типологического сравнения.

Литература

- Апресян Ю.Д., 1995, Коннотации как часть прагматики слова [в:] Апресян Ю.Д., *Избранные труды*, т. 2, Москва: Шк. «Языки рус. культуры», с. 156–177.
- Евгеньева А.П. (ред.), 1981–1984, *Словарь русского языка: В 4-х т.*, т. 1–4, Москва: Рус. яз.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю., 2004, *Коммуникативная грамматика русского языка*, Москва: Институт русского языка им В.В. Виноградова РАН, 544 с.
- Онипенко Н.К., 2002, Синтаксическое поле русского предложения и модель субъектной перспективы [в:] Онипенко Н.К. (ред.), *Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: [Сб. ст. к юбилею Г.А. Золотовой]*, Москва: УРСС, с. 178–184.
- Онипенко Н.К., Никитина Е.Н., 2006, Грамматика крылатых выражений, *Русская словесность*, № 4, с. 56–63.